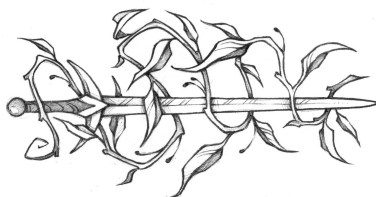

КНИГА ПЕРВАЯ

КАМЕНЬ ГРЁЗ

I. О РЫБЕ И КОСТРЕ

Многое в мире, из того что куда старше человечества, никогда не испытывало симпатии к человеку; так что, когда раса людей была моложе, а леса — протяженнее, немало оставалось мест на свете, где человек мог ощущать на своих плечах всю тяжесть времени. Деревья там высились с таким непоколебимым покоем, что человек начинал слышать дыхание жизни, не принадлежащей ему. Ручьи там не лишились еще своего волшебства, вершины гор звучали на разные голоса, а временами налетавший ветер ерошил волосы и касался затылка, порождая такие предчувствия, что человек не осмеливался оглянуться.

Но звуки человеческого существования становились все более настойчивыми, посягательства на жизненное пространство все более уверенными. А с людьми явилась и смерть, знание о добре и зле — это было мощное оружие, благородное, но в то же время и слепое.

Звенели топоры. Люди строили дома, выкорчевывали валуны, валили деревья, распахивали поля там, где испокон веку стояли леса; они приводили с собой блеющие отары, охраняемые псами, которые позабыли, что когда-то они были волками. Человек менял все, к чему прикасался. Он заволаживал зверей, делая их бестолковыми и послушными.

Он принес в долины огонь и вонь дыма. Он искажил ландшафт холмов, проложив борозды и межевые границы. Самое главное — люди принесли с собой леденящий холод металла, чтобы смести с лица земли древние тени.

Но человек принес с собой и свет. Это было неизбежно, ибо свет необходим, когда противостоишь тьме. Люди громоздили камни на камни, утепляя свои жилища, и приручали робких, незлобивых тварей. Тем временем истинные порождения мрака уходили в глубь лесов, а создания света покидали эти места с разбитым сердцем.

За исключением тех, кто отличался невероятным терпением или непомерной гордыней.

Таким образом, во всем мире осталось одно девственное место — небольшой лес неподалеку от моря и поблизости от людских поселений, где время текло по-старому, не так, как везде.

Давным-давно этот лес лишился былой своей прелести и обаяния. Под покровом папоротника его душили шипы и колючки. Мертвые упавшие деревья образовывали завалы, так как ни один дровосек не рисковал заходить в этот лес. Даже днем это место казалось гиблым. Ночью же оно казалось еще страшнее, и люди никогда не разводили костров вблизи тех вековых стволов. Здесь раздавались шепотки, и деревья что-то бормотали, колеблемые ветром, — а может, и не ветром. Люди знали, что это место старо, как мир, и не могли найти с ним общего языка.

Но однажды ночью в лес вошел усталый человек. Ему довелось пережить столько ужаса и побывать в таких переделках, что скромный костерок для приготовления пищи казался ему небольшим риском — всего-то пара веток, чтобы получить немного горячей еды.

Целых пять лет он провел на берегах реки Керберн и на окраинах этого леса. Если в округе и были разбойники, он знал их всех по именам. А если здесь подстерегали другие опасности, то прежде ему не доводилось с ними встречаться, так что и в эту ночь, и во все предшествовавшие он не боял-

ся их, двигаясь под мощными древними деревьями и слушая шелест и шепот листьев. Он развел костер, поджарил на нем рыбу и съел ее, что показалось ему настоящим пиршеством после нескольких дней голода. Он снова почувствовал себя как дома, ничто вокруг ему не угрожало, и он уже предвкушал отдых на постели из листьев, где вряд ли его сможет найти какой-либо двуногий враг.

Но Арафель заметила его.

Вообще ее мало интересовали дела человеческие. Течение ее времени и образ жизни слишком отличались от людских, но этого человека она уже видела ранее, когда он мелькал на границе ее леса. Он был проворен и не портил ее владений, он был осторожен, и его нелегко было уязвить: такой человек ничем не нарушал покоя Арафели.

Но этой ночью он выловил рыбу из вод Керберна и разжег костер под вековым дубом. Это было уже слишком.

И она пришла. Некоторое время она незаметно стояла под сенью дубов в своем сером плаще с капюшоном. Человек покончил с рыбой, бросив в костер лишь ее обглоданный костяк, и теперь стоял на коленях, грея руки над крохотным язычком пламени и грудой угольев. У него были обветренные грубые черты лица, а волосы подернуты седinou — сухощавый усталый человек, пахнувший железом, ибо рядом с его коленом лежал меч. Направляясь к нему, она готова была дать волю своему гневу, но он сидел так тихо и робко для такого большого человека, так жалостно льнул к теплу, окруженному великим мраком леса, что она лишь удивилась — откуда он взялся и зачем рискует столь многим во имя столь малого? Но ее опередили. Вокруг его костерка мелькали и в негодовании шипели тени. Однако, похоже, он не замечал их, оставаясь глухим к их ропоту и глядя лишь на свой драгоценный огонь.

— Тебе бы следовало быть поосторожнее, — сказала она.

Одним движением он схватил свой длинный меч и поднялся на одно колено.

— Нет, — тихо добавила она, двигаясь ему навстречу. — Нет, я здесь одна. Я увидела твой костер.

Меч так и остался наполовину обнаженным. До этого самого мгновения человек ничего не слышал и не замечал. В чаще мелькнула серая фигура, словно луч лунного света, настолько смутная, что он вполне мог ее не заметить, ослепленный пламенем, но чтобы его так подвел слух?!

— Кто ты? — спросил он. — Ты, наверное, будешь из Ан Бега?

— Нет. Я живу здесь. Я редко выхожу отсюда. Убери свой меч.

Он был сбит с толку, а такое с ним редко случалось. Он не понимал, почему продолжает сидеть, когда нужно подняться с мечом в руке, но после первых же слов незнакомки он словно лишился силы воли. Голос звучал ровно и спокойно. Он никак не мог различить его тембр или определить возраст его владелицы, не удавалось ему и разглядеть фигуру в темноте, однако он механически вернул меч в ножны. Руки у него похолодели.

— Пристраивайся, если хочешь, — сказал он, указывая на огонь. — По крайней мере, тепло. А если тебе нужна еда, поймай себе рыбы. Я уже съел всю, что у меня была.

— Я не нуждаюсь в пище. — Незнакомка приблизилась так бесшумно, что ни единый лист не шелохнулся, и устроилась с краю прогалины на поваленном дереве, которое заслоняло костер от ветра. — Как будет твое имя?

— Сначала скажи мне свое, — ответил он.

— У меня много имен.

Мало-помалу холод земли проникал в человека все глубже, а язычок огня уменьшился и стал совсем тусклым.

— И каким же будет хоть одно из них? — спросил он, потому что он был из тех людей, которым на все вопросы нужны ответы, даже если последние не сулят им ничего хорошего.

— Я замечала, как ты появлялся здесь и ходил в моей округе. — Ответ прозвучал так тихо и безмятежно, что его с легкостью мог заглушить шелест листьев. — И не я одна видела тебя, знаешь ли ты это? До сегодняшней ночи твоя поступь

всегда была мягкой и неслышной; но сегодня ты обосновался здесь — неужто ты намерен остаться? Нет, не думаю. Ты не настолько глуп.

Она различала суровые черты его лица. Когда-то оно было красивым, но годы и шрамы оставили на нем свои следы, его отшлифовали солнце и ветер, и теперь оно вполне подходило его телу, спутанным волосам, лохмотьям одежды и темному безнадежному взгляду. Какой же она сама была в его глазах, Арафель не знала: чаще всего люди видят то, что хотят увидеть. Возможно, она казалась ему каким-нибудь изгоем вроде него самого или воином в доспехах оттуда, из-за реки. Его рука так и не отпустила рукоять меча.

— Зачем ты пришел? — наконец спросила она.

— Ищу убежища.

— Что? В моем лесу?

— Тогда я уйду из твоего леса настолько быстро, насколько смогу.

— За пределами этого круга тебя поджидает опасность — нет, тебе не стоит сейчас трогаться с места. Но за рыбу и костер надо платить. Что ты можешь предложить мне за них?

Он ничего не ответил. А она не знала, есть ли у него еще какое-нибудь добро, кроме меча. Меч же он не предложил.

— Так что же? Ничего? — спросила она.

— А что ты хочешь? — поинтересовался он.

— Правду. За рыбу и костер расскажи мне честно, что ты делаешь в моем лесу.

— Я выживаю.

— Не больше не меньше? Думаю, это нелегко. Ты окружен печалью, человек. Сопутствует ли когда тебе радость?

Это была приманка. Человек почувствовал это и ощутил, как на него навалилась усталость, тяжелая дремота. Но сон таил в себе опасность, и это он тоже знал. Он воткнул острие ножен в землю и тяжело облокотился на перекрестие меча, глядя на незнакомку, пытаясь повнимательнее в нее всмотреться, но чем пристальнее он смотрел, тем более смутными становились очертания собеседницы. А складки плаща то и дело отбрасывали блуждающие тени, еще сильнее мешая

различать детали. Он не сомневался, что повстречал кого-то из эльфийского народа, несмотря на все тени, лунные лучи и то, что отказывались видеть его глаза. Никогда в жизни он не думал, что ему доведется повстречать такое существо — он всегда был слишком занят своими собственными делами, но теперь он осознавал всю опасность этой встречи, вспоминая, как жестоки и беспощадны эльфы с теми, кто вторгается в их владения, как легко стать жертвой их темных чар. И возможно, именно чары были причиной того, что он не испытывал никакой неловкости с этой незнакомкой, он был готов рассказать ей все, как ближайшему другу в последний день жизни.

— Я приходил сюда иногда, — сказал он. — Мне казалось, что здесь безопасно. Я не привел за собой врага. Ан Бег никогда бы не последовал сюда.

— Почему они охотятся за тобой?

— Я — воин короля.

— А они в ссоре с этим королем?

Голос звучал совершенно невинно и искренне, как у ребенка. Время ринулось вспять для него, и он еще тяжелее оперся на перекрестие своего меча, чувствуя боль во всех суставах.

— В ссоре, да, — рассмеялся он. — Они убили короля в Эшфорде, сожгли Дун-на-Хейвин... так что теперь вообще нет короля. Уже пять лет. — Голос его стал хриплым. Он не понимал, как случившееся не потрясло мир, но существо, сидевшее перед ним, осталось невозмутимым.

— Войны людей. Они ничего для меня не значат. Рыба значит больше. Убийство рыбы затрагивает мои владения.

По спине человека пробежал холодок, но горе, всплывшее в памяти, приглушило его.

— Это так, но ведь я заплатил тебе за нее правдой.

— Да, я назвала эту цену. А теперь я дам тебе один совет: не приходи больше сюда. — Пепельно-серая на фоне мрака тень поднялась. — На этот раз я провожу тебя к реке, но только на этот.

Человек оперся о меч и поднялся на ноги, как будто из последних сил — возможно, так оно и было. Он стоял, ссутулившись и повесив голову, но вскоре выпрямился и, расправив плечи, указал в противоположную сторону.

— Позволь мне пройти вдоль берега с милю вниз по реке — тогда я смогу улизнуть от своих врагов. Я буду идти как можно быстрее.

— Нет. Ты должен уйти тем же путем, что и пришел, и сделать это сейчас же.

— Ну что же, — сказал он и склонился, покорно погасил свой костер и взял в руки меч, хотя в глазах его не теплилось уже никакой надежды. — Меня ждут там мои враги, и, кто бы ты ни была, я пойду туда, если у меня нет выбора. И все же я прошу тебя еще раз — позволь мне пройти вдоль берега. Я всегда был добрым соседом этому лесу. Я никогда не входил в него с топором. И сейчас я прошу твоей милости. Ведь это такая мелочь.

Она задумалась — речь его была так тиха и так решительна. Она чуть было не отступила, вознамерившись отдать этого человека тьме и ночи. Но в нем не было темного гнева, от него веяло лишь печалью когда-то отважного воина. Он был как старый олень, загнанный хищниками, как упавший орел, как побежденный волк. Она заколебалась, и сердце напомнило ей об одном местечке, единственном, где ей удалось познать тепло среди людей.

— Я укажу тебе путь, — мягко промолвила она, — и провожу тебя — это место лежит далеко в холмах, и оно не так опасно, как мои владения. Но ты должен будешь идти за мной шаг в шаг, не отставая, ибо Смерть была совсем рядом с тобой сегодня ночью. Она умеет подкрадываться гораздо бесшумнее любого человека. Нет, не оглядывайся. Пойдем, пойдем, убери свой меч и следуй за мной.

И снова человек убрал меч в ножны и даже не почувствовал, как сделал это. Он двинулся в путь, как когда-то шел в кровавый Эшфорд, спускаясь с холмов. Он помнил, как отводил ветви от лица, потом, пройдя уже значительное расстояние, он понял, что путь стирается из его памяти, а затем его

и вовсе поглотило забвение. Он обладал навыками лесной жизни, и никому бы не удалось уйти от него в чащобе, но серый плащ скользил перед ним, словно ветви были бесплотными, и, хотя он двигался очень быстро, ему не удавалось нагнать свою проводницу. Пот заливал ему глаза, а сердце стучало так громко, что заглушало все остальные звуки. Ветви хлестали по лицу и рукам. Листья проносились мимо, осыпая его мягкими, но назойливыми прикосновениями.

Наконец проводница остановилась на берегу реки у очень старого дерева — ее серый плащ казался наростом на коре в лунном свете. Они вышли к той части Керберна, где он разливался особенно широко и был мелким. Человек здесь знал каждый камень.

Проводница указала ему на противоположный берег.

— Но здесь брод, — запротестовал он. — Они наблюдают за ним.

— Нет. По крайней мере, не сейчас. И возможно, не будут это делать еще несколько ночей — верь мне, я это знаю. Там ты увидишь холмы и на вершине первого — груды камней; миновав второй холм, ты пойдешь вдоль реки, где она вырывается из ущелья, вверх по долине и к самому дальнему холму. Место, куда я посылаю тебя, не будет видно до тех пор, пока ты не минувешь долину и не взойдешь на Воронов холм — не знаю, так ли он зовется в нынешние времена?

— Да, он носит это имя. — Человек взглянул на смутную линию холмов, видневшихся за рекой, за деревьями. Речная вода плясала в лучах света, разбивавшихся рядом с ним. Встревоженно он повернулся к своей спутнице. Но рядом уже никого не было, словно никогда и не бывало, лишь меркнущие воспоминания о высоких, спокойных звуках голоса, да и тот будто приснился ему, и о мягком сиянии, которое он смутно различал.

Мир вокруг снова сгустился холодным мраком, а тени угрожающе придвинулись.

— Ты здесь? — спросил он тьму, но ответа не последовало.

Тогда он вздрогнул, сдвинул перевязь с мечом за спину и вступил в студёные воды Керберна, то и дело ожидая стрел

из-за темных деревьев с противоположного берега, засады, а более всего — леденящего смеха эльфийского народца за своей спиной. Дары эльфов не сулили удачи. Теперь он уже никогда не сможет почувствовать уверенности в собственной безопасности.

Но он шел по пояс в воде, а с берегов не доносилось никаких звуков, разве что легкие всплески в камышах. Он вылез на противоположный берег, занимаемый его врагами, и не обнаружил ни засады, ни другой опасности поблизости. Он тут же бросился бегом, чтобы согреться, петляя между молоденькими деревцами, росшими вдоль пустынных границ Ан Бега и его деревень.

Его звали Нэаль. Люди прозвали его Далаханом, а в былые дни он носил и другие имена и обладал властью; но король, которому он теперь служил, был беспомощным младенцем, спрятанным где-то в холмах, как надеялись верные ему сердца. И пока эти верные воины разоряли и опустошали поля предателей в долине Керберна и везде, где могли, ибо это — единственное, что им оставалось, пока юный король не обратится в мужчину.

Пять лет Нэаль жил в лесу, скрываясь за камнями и прячась в чащобах, и его люди следовали за ним, но теперь большинство из них были мертвы, остальные разбрелись.

Поэтому он бежал и бежал, так как на востоке уже занималась заря, а темный лес обещал ему впереди безопасность. Он был уже немолод. Он растерял свою веру в грядущих королей. Он хотел лишь места у очага, хлеба для пропитания и чтобы больше ему не надо было уходить от погони.

Солнце уже взошло, а он все бежал, поднимаясь в Бурые холмы. Люди считали, что в них, как и в лесу, обитает нечистая сила. Но он давно уже привык к таким местам, куда ни один достойный человек не рискнул бы пойти. Несмотря на их дурную славу, Нэаль чувствовал, как его охватывает все большая надежда, по мере того как он углублялся в холмы. Усталость оставила его, и он бежал гораздо легче, чем раньше, по пустынной каменистой местности. Солнце поднималось все выше. Пот стекал с него ручьями. Нэаль слышал